

Анатолий Малагин

*Караван
уходит
в Мир*

Анатолий Шалагин
Караван уходит в Чиру

«Издательские решения»

Шалагин А.

Караван уходит в Чиру / А. Шалагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960862-8

В центре повествования — российская военно-политическая разведка в среднеазиатском регионе. Книга адресована всем, кто интересуется отечественной историей. В оформлении книги использованы рисунки Ч. Валиханова, Н. Каразина и Ш. Делора.

ISBN 978-5-44-960862-8

© Шалагин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Караван уходит в Чиру

Анатолий Шалагин

*Все имеет свой закат. И только ночь
заканчивается рассветом
Восточная мудрость*

© Анатолий Шалагин, 2019

ISBN 978-5-4496-0862-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Белое солнце нещадным жаром испепеляет все в округе. Дрожащие столбы раскаленного воздуха простираются до самого горизонта. И видится там то лазурно-серое море, то вздыбленные к небу горы, покрытые снежными шапками. Иссушенная зноем земля уже давно покрылась растрескавшейся корявой коркой, которая громко хрустит под ногами. И в этих звуках невольно слышится, как будто какое-то чудище с яростью пережевывает сочную траву. Но травы нигде нет. Никакой. Из земной коросты торчат редкие клочки соломы, не способной даже шуршать под дуновением суховея. Кругом царствуют нестерпимая жажда и смерть.

А ведь еще недавно тут все было по-иному: ровные изумрудные поля, окаймленные журчащими арыками, дехкане с кетменями, терпеливо и благоговейно возделывающие каждый клочок земли... Теперь всего этого не стало. И виной тому не только яростный зной, но и враз иссушенные арыки. Вода перестала поступать сюда во вторую ночь месяца Рамадан. И трех недель безводья хватило, чтобы тут все умерло...

«...Второй он сотворил воду из вещества неба ... – вдруг всплыло в его памяти – И в помощь ей произвел он туман, дождь и снег. Покровителем воды стал Хурватат – человек остановился, чтобы перевести дух и припомнить, что же было дальше в той прочитанной им когда-то книге – ... Четвертыми он сотворил растения, Сначала они выросли на высоту ступни... А в помощь растениям он дал огонь и воду, благодаря их силе они выросли. Покровителем их стал Амертат...»¹

Его воспоминания прервал протяжный, чуть с хрипотцой, свист. Он поднял голову к небу. Там на высоте танаба² парила пара желтоголовых стервятников. Птицы стремились к цели, лежавшей где-то за каменистым холмом, возвышавшимся неподалеку.

«Здесь падальщикам сейчас раздолье – человек, постояв еще немного, направился в сторону холма – Куда ж вы делись, Хурватат и Амертат? Зачем покинули этот край?»

Не без труда преодолев довольно крутой, порою осыпавшийся, склон, путник поднялся на вершину. Отсюда вся долина была как на ладони. Внизу он увидел старый, но еще не потерявший своего бывшего величия мазар³, увенчанный облупившимся куполом. Практически по всему карнизу сооружения восседали стервятники. Они переминались на своих когтистых лапах и время от времени взмахивали большими крыльями. Видимо, сидели они тут давно. А та пара, которую он видел недавно парящей над головой, расхаживала у ступеней мазара, с любопытством и нетерпением поглядывая на лежавшее рядом тело. Стервятники ждали: слабых, но еще живых людей они не трогают. Приступить к заветной трапезе падальщикам мешало еще одно существо. Худенькая, лет десяти девочка, сама еле передвигавшая ноги, пыталась палкой отогнать нетерпеливых птиц от того, кто лежал на земле. Сил обороняться у нее оставалось немного. Совсем скоро и она упадет, потеряв сознание. Тогда ничто не помешает кровавому пиру.

Он начал спускаться... Первыми его заметили стервятники. Те, что сидели на карнизе хором засвистели, но не сдвинулись с места. А пытавшиеся урвать кусок плоти раньше времени, взмахнув крыльями, взмыли вверх и вскоре опустились на свободные места на крыше мазара. Вся стая уставилась на того, кто спускался с холма.

Потом его заметила и девочка. Она обернулась. В ее глазах было что-то животное: страх и ненависть, надежда и отчаяние. Чем ближе он подходил к ней, тем яростней станови-

¹ Из священной книги «Бундахишн».

² Единица длины в Средней Азии: 1 танаб = 39,9 м.

³ Место, почитаемое мусульманами как святое; обычно гробница с возведенным над нею сооружением.

лось выражение ее чумазого лица. Ноздри слегка подрагивали, тесно сжатые губы скривились в решительной гримасе.

– Уходи! – с надрывом в голосе крикнула она, подняв выше свою сучковатую палку...

Он остановился, опустил на землю заплечный мешок, а потом сел на него. Не торопясь мужчина опустил край куфии⁴, прикрывавшей нижнюю часть лица, и устало произнес:

– Не бойся меня. Я не сделаю тебе ничего плохого...

...Костер горел ровным белесоватым пламенем. Он был почти беззвучным. Саксаула всегда горит тихо: ни искр, ни треска, ни едкого дыма. «Как свечи в церкви» – подумал странник. Он закрыл глаза, пытаясь представить себе церковное паникадило с горящими свечами. Ему даже показалось, что он слышит хор на клиросе:

«Блаженны нищие духом, яко тех есть царство небесное.

Блаженны плачущие, яко ты утешатся.

Блаженны кроткие, яко ты наследят землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко ты насытятся.

Блаженны милостивые, яко ты помилованы будут...»

Он открыл глаза и посмотрел на спящую рядом девочку. Она спала совсем еще по-детски, подложив ладошки под голову и поджав колени к животу. Из уголка полуоткрытого рта стекала слюнка, поблескивающая в отсветах костра. Время от времени по лицу ребенка пролетала волна какого-то беспокойства. Бровки начинали хмуриться. Но потом все это исчезало, сменяясь безмятежностью.

«Что ей видится во сне? – спрашивал он неизвестно кого, разглядывая ее лицо – Уж точно ничего хорошего. После пережитого не скоро будет ей сниться радость...»

Ее имя – Бахмал. Она родом из деревни Махаллаи-Боло. Ее отец был земледельцем, мать промышляла перешивкой старой одежды односельчанам. Достатка семьи хватало лишь на то, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Зачастую это не получалось: после уплаты обязательных податей не хватало денег на еду. Поэтому Бахмал частенько ложилась спать голодной. Всю зиму она вместе с матерью теребила хлопок, выбирая из его пушистого нутра семени. Потом хлопок сдавался перекупщикам. Но и это не приносило большого достатка. Год назад ее отец Юсуф Шавкат-заде умер от какой-то быстротечной лихорадки. И мать вместе с дочкой были вынуждены скитаться по окрестным деревням в поисках средств к существованию. Где-то им удавалось подработать на байских полях, где-то им подавали милостыню. Бывало, Бахмал приходилось танцевать на деревенских площадях, чтобы выпросить хотя бы кусок пресной лепешки. Не раз и не два к Адолат, так звали мать девочки, подходили байские прислужники с предложениями продать юную Бахмал на забаву своим бекам-сластолюбцам. Женщина отмахивалась от назойливых предложений, выслушивая ругательства в свой адрес. А когда здесь не стало воды, жизнь нищих людей превратилась в ад. Они бродили от деревни к деревне, но никто им уже ничего не подавал. И на полях работы не стало. Два дня назад прямо на пороге старого мазара, где они хотели укрыться от жары, Адолат неожиданно упала. Ее тело стали сводить судороги, и, не приходя в сознание, она вскоре испустила дух. Бахмал осталась одна. Вначале она надеялась, что мама вот-вот откроет глаза и улыбнется ей. Проходили минуты и часы, но мать так и лежала бездыханной. В первую ночь сюда приходили шакалы, и девочке приходилось громким криком их отпугивать. А вчера начали слетаться большие птицы с желтыми головами, которые все норовили клонуть безжизненное тело...

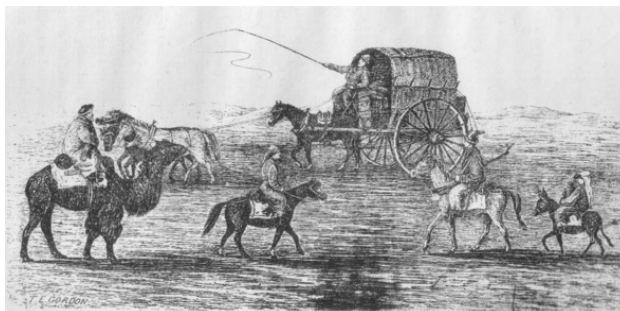
⁴ Мужской головной платок в странах Востока.

Все это ему рассказала сама девочка, когда они закончили погребение Адолат у восточной стены мазара. Он прочитал суру⁵ над могилой и отошел в сторону. А Бахмал еще долго сидела у могильного холмика и молчала. Она не плакала, а смотрела вдаль – туда, куда скатывалось изнывающее жаром светило.

...Путник повернулся к мазару. Там в свете угасающего костра он прочитал высеченную на камне надпись: «Сказал Пророк – да благословит его Бог и да приветствует: «Когда вы будете смущены обстоятельствами жизни, ищите помощи у лежащих в могилах»...

⁵ Глава Корана

Глава 1

Минул век с того дня, когда в урочище Майтобе на реке Ирғиз правитель Младшей орды присягнул на верность русскому престолу. К этому историческому шагу, определившему будущее бескрайней степи, хана Абулхайра подталкивало многое. Но главным было стремление найти защиту своим владениям от воинствующих джунгар, ханство которых современники зачатую называли не иначе как свирепым и бешеным. Защита более сильного государства могла спасти от неминуемой гибели тысячи людей.

Вскоре примеру Абулхайра последовали и правители Среднего жуза, испытывающего еще большие притеснения и страдания от жаждущих насилия, крови и грабежа соседей. Русский престол взял покровительство над громадной территорией и племенами, живущими там.

Формально Россия прирастала обширным краем, тянувшимся от предгорий Тянь-Шаня до берегов Каспия. С севера на юг вновь приобретенные земли простирались от Урала и Иртыша до Сыр-Дарьи.

Российская империя стала дородной, как дебелая корова, перекинувшись своей ширью через Тихий океан. Но в южном ее подбрюшье даже под русским протекторатом было неспокойно и кроваво. Спасшись от гонений джунгар, киргизские роды сцепились в междоусобной схватке, проливая кровь собратьев. С юга степь тиранили среднеазиатские властелины, обложив степняков закят⁶, походившим больше на грабеж и приводившим к разорению тысяч киргизских семей. На тлеющих углях тянувшегося десятилетия противостояния грела свои алчные руки Великобритания, опасавшаяся роста русского влияния не только в степи, но и в пределах стран, опоясывающих бесценную для английской короны драгоценность – Индию. Вот и влезали англичане во все конфликты, разгоравшиеся за тридевять земель от Букингемского дворца.

Все это требовало от России, занятой долгое время большими делами в Европе, решительных действий и тут. Но не всегда на это хватало времени и сил, не всегда удача была на стороне русских. Нередко от степи и ее проблем отвлекали куда более срочные, по мнению царедворцев, дела и заботы. Но в Петербурге за происходившим в степном крае и его окрестностях ревностно следили всегда.

Предпринимаемые русским правительством административные, дипломатические и военные меры, проводимые зачастую без должной координации мыслей и действий, пусть медленно, но остужали степь. Построенные там укрепления и редуты, успешные боевые «предприятия» против противников новых устоев в немалой степени утихомиривали и среднеазиатские ханства, оказавшиеся теперь между интересами сразу двух престолов – российского и британского.

⁶ Обязательный ежегодный [налог](#) в [исламском праве](#), выплачиваемый мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев.

Но до полного успокоения была еще далеко. И это прекрасно осознавали в российской столице. Министр иностранных дел империи Горчаков информировал государя:

«С распространением наших владений мы вошли в ближайшее соприкосновение с среднеазиатскими ханствами: Хивой и Коканом, считавшими киргиз в числе своих подданных. Пользуясь слабостью наших пограничных Оренбургской и Сибирской линий, [...] хивинцы и коканцы непрерывно вторгались в наши пределы для грабежа подвластных нам киргиз. С целью прекращения подобных вторжений мы в свою очередь предпринимали экспедиции и разоряли ближайшие к нашим границам укрепления, служившие сборными пунктами коканских скопищ. Таким образом, последовательно взяты Ак-Мечеть, Джулек, Яны и Динь-Курган на Сыр-Дарье, Токмак и Пишпек за р. Чу. Но все подобные временные экспедиции, несмотря на сопряженные с ними громадные расходы, были недостаточны для прочного охранения края [...] В виду необъятного пространства киргизской степи увлекаешься мыслью, что в поступательном движении России к юго-востоку есть определенный закон, не подчиняющийся человеческим соображениям, и что, занимая среднюю и нижнюю части Сыр-Дарьи, мы неминуемо рано или поздно должны будем занять его верховья, т.е. все Коканское ханство [...] Русские владения в Средней Азии получили бы тогда естественные рубежи, а именно Тиан-Шаньский хребет, отрог его Каишгар-Даван [...] и Кызыл-Кумские пески. [...] Но не делая заключений о том, что предстоит нам в будущем, необходимо теперь же решить вопрос: на чем должны мы остановиться в настоящее время в Средней Азии, дабы, согласно решению, которое будет принято, наши пограничные начальники могли действовать на основании точных инструкций, систематически направляя все усилия к достижению определенной цели»⁷.

Форпостами выстраивания военно-административных отношений между Россией и прислонившейся к ней в поисках защиты степи, равно как и плацдармами для продвижения русской торговли в орду и за ее пределы, служили земли Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Именно отсюда уходили в степь негоциантские караваны, груженные сибирским лесом и уральской медью, рязанской пенькой и ивановской мануфактурой... Из Оренбурга и Омска для защиты подданных русского престола и в назидание противников России продвигались в степь русские линейные батальоны и казачьи полки. Поначалу это походило на тоненькие ручейки, зачастую пресекаемые дерзкими нападениями алчущих легкой наживы непокорных племен. Но с каждым годом струйки эти, набирая мощь, постепенно превращались в речушки и реки. И стали они теперь полноводными потоками, бережно охватывающими бескрайнюю степь от Каспийского моря до Тянь-Шаня...

В Голубой гостиной в восточном крыле Главного штаба у окна, выходявшего на Дворцовую площадь, стоял стройный для своего степенного возраста мужчина в обычном сером сюртуке. Его лицо нельзя было назвать примечательным – ничего из того, что могло бы отложиться в памяти, в этом лице не было. Пожалуй, единственной особенностью были очки. В определенной степени они добавляли мужчине безликости. И совсем неслучайно поэт Федор Иванович Тютчев позднее скажет о своем друге: «Его натура обладала гораздо большими внутренними достоинствами, чем наружными. У него сливки снизу, а молоко сверху».

⁷ Из книги «Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках: Сборник документов и материалов». – Алма-Ата: Наука, 1964. – С. 518—521.

Звали этого человека Александром Михайловичем Горчаковым. В будущем ему предстоит стать последним канцлером Российской империи, а сейчас он – министр иностранных дел России. Княжеский род Горчаковых был древним – он брал свое начало еще с Рюриковичей – поэтому на их родовом гербе помимо прочих атрибутов власти была и золотая корона, которую дозволялось иметь далеко не всем князьям. Однако родовитость не принесла Горчаковым сколько-нибудь значимого богатства. Причиной тому были врожденные несгибаемость, обостренное чувство справедливости и нежелание быть нечистоплотным в угоду корыстным интересам. Это не нравилось монархам и их фаворитам. Поэтому царских милостей по отношению к Горчаковым было немного.

Министром Александр Михайлович стал два года назад. Тогда, в марте 1856 года, сразу после подписания вынужденного Парижского трактата, подводившего черту под кровавыми итогами Крымской войны, недавно вошедший на российский престол император Александр II сказал Горчакову: «Я нуждаюсь в помощи, в хороших советниках. Помогите мне. Исполните мою просьбу».

В помощи самодержец действительно нуждался. В наследство ему досталась разоренная войной, отсталая в экономическом и политическом отношении крепостническая империя, оказавшаяся в изоляции по вине, в том числе и предшественника Горчакова на министерском посту графа Нессельроде. Отправленный после подписания Парижского договора в отставку он призывал императора... упразднить министерство иностранных дел за ненадобность. Нет, не такие советники были нужны Александру Николаевичу.

...Он повернулся на звук открывающейся двери. Вошедший секретарь известил:

– Генерал Катенин, Ваше сиятельство.

– А... проси-проси, голубчик.

Вскоре перед Горчаковым предстал оренбургский и самарский генерал-губернатор Александр Андреевич Катенин, облаченный в парадный мундир с множеством орденов на груди.

После обмена любезностями сановники разместились в удобных креслах, обшитых золоченой парчой, и преступили к неторопливому чаепитию. Времени до аудиенции в Зимнем дворце было еще достаточно.

– Ну и каковы Ваши впечатления, Александр Андреевич, относительно ситуации в степи и ханствах? – осведомился министр.

Он знал, что Катенин, вступив в должность военного губернатора, в определенной степени отошел от воинствующей политики в отношениях с киргизами, свойственной его предшественнику Василию Алексеевичу Перовскому. Ратовал Катенин и за укрепление торговых связей со среднеазиатскими ханствами. Все это, по мнению Горчакова, пока неплохо укладывалось в провозглашенную им же доктрину временного отхода России от политики активного участия империи в международных делах. В свое время в Европе, да и в Азии тоже, наделали много шума слова нового российского министра иностранных дел:

«Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается».

Но это вовсе не означало, что России в это непростое время следовало отвернуться от всего того, что составляло сферу исключительных российских интересов. Да, явной активности в международных делах, по мнению Горчакова, России сейчас проявлять не стоило. Но активизировать тайные мероприятия, направленные на получение стратегической политической и военной информации, было необходимо. Прежде всего, для того, чтобы лучше «сосредоточиться».

...Александр Андреевич Катенин, поставив на инкрустированный золоченой проволокой дубовый столик фарфоровую кружечку тончайшей работы, расправил свои пышные усы и ответил:

– Заботами покойного графа Перовского, Ваше сиятельство, степь сейчас присмирела. Смутьянства, провоцируемые эмиратами, конечно, еще не окончены. Но их в последнее время стало меньше.

Горчаков при этом подумал: «Ох, как Вы, сударь ошибаетесь», а вслух произнес:

– Да уж, Василию Алексеевичу удалось усмирить степь. Но сее стало наипервейшим результатом силы русского оружия, И стоило немалых потерь для Отечества. Они, конечно, были ненапрасными... – он отставил в сторону свою чашку, снял очки и начал натирать их белоснежным батистовым платком – Ныне надобно сберегать силы. Главные аккорды еще впереди. А пока нашим оружием будет дипломатия...

Катенину сейчас вдруг вспомнились светские разговоры про очки министра. Во многих салонах ему приходилось слышать, что в те годы, когда Горчаков только-только окончил Царскосельский лицей⁸, при дворе Александра Павловича считалось плохим тоном ношение очков. Но тогда император сделал исключение для близорукого с рождения Горчакова – ему самодержец разрешил являться во дворец в очках. Видимо, что-то подсказывало монарху, что этого юношу ждет большое будущее.

Александр Михайлович водрузил очки на нос и продолжил:

– Но дипломатия наша должна быть не слепым заигрыванием с тамошними правителями, она должна быть расчетливой. С заглядом на перед – он сделал паузу, отхлебнул из кружки уже остывшего чая – Минувшая война показала, что у России нет и не будет союзников. Вена, многократно хлебавшая российскую милость и заступничество, и та предала нас...

Он умолк, вспомнив годы своей дипломатической работы в Австрии, где ему пришлось многое повидать. Катенин, расценив возникшую паузу, как приглашение к продолжению диалога, произнес:

– Ваше сиятельство, в складывающейся ситуации, наверное, не лишним было бы отправить к эмирам посольства для решения вопросов расширения нашей торговли...

– Да – министр очнулся от нахлынувших на него мыслей – Миссию мы туда обязательно отправим. И Вы, Александр Андреевич, должны приложить немало усилий, чтобы снарядить караван всем необходимым и обеспечить безопасность русских посланцев.

– Заверяю Вас, Ваше сиятельство, экспедиция будет обеспечена всем необходимым...

– Вы еще переговорите на эту тему с господином Григорьевым⁹. Очень важно, чтобы прикрытие этой миссии было и по тайным каналам... – он улыбнулся – Всей правды Василий Васильевич, конечно же, не скажет, но... Всякое может случиться в тамошних вилайетах¹⁰. Утихнуть они утихли. Но надолго ли? Британия ведь со своими интригами никуда не делась. У англичан есть поговорка: «Кто хочет иметь яйца, должен терпеть кудахтанье кур»... Эх, нет сейчас Григория Федоровича Генса... Но дела, зачинателем коих он был, и по сею пору дают плоды немалые. В общем, обсудите все детали предстоящей экспедиции с Григорьевым... – посмотрев на каминные часы, министр воскликнул – А ведь нам надо бы во дворец поторопиться, Александр Андреевич...

– А помоложе што-ли никого не могли найти? – ворчала Анна, хотя и понимала, что спорить с начальством бесполезно – Уж, чай, не на войну отправляют. Могли бы и молодых казаков туда спровадить...

Иван, присевший передохнуть на замшелой завалинке, с хрустом потянулся и, улыбаясь, ответил:

⁸ Однокашниками министра были А.С.Пушкин, И.И.Пушин, А.А.Дельвиг, В.К.Кюхельбекер и др.

⁹ В.В.Григорьев – руководитель Оренбургской Пограничной комиссии в 1954—1958гг.

¹⁰ Провинциях

– Без нас, бывалых, видать, не справятся. Да я думаю, ненадолго это. Сорок верст всего...

– Так ведь не знамо, што тама стряслось. Бабы такие страсти рассказывают – Анна присела рядом с мужем – Могут ведь и продержат. А скоро сенокосить надо будет...

Калитка распахнулась, и на мякишевский двор влетел весь раскрасневшийся от быстрого бега внук Илюшка. Мальчик напрямик кинулся к деду и, взобравшись ему на колени, не успев даже толком перевести дух, выпалил:

– Деда, возьми меня с собой...

Иван поцеловал внука в макушку и спросил:

– Ты где это, казак, мамку потерял?

– А тама она – мальчик махнул рукой куда-то вдаль – Дедуля, ну возьми, а...

Анна, с улыбкой наблюдавшая за происходившим, осведомилась:

– А кто ж мне помогать будет?

Илюшка в ответ на бабушкины слова буркнул:

– Мамка поможет. И Глашка с Любкой...

Дед опять поцеловал внука в белокурую макушку и поправил:

– Не Глашка и Любка, а Глаша и Любаша...

Мальчик не хотел отвлекаться на пустые разговоры и продолжил уговоры:

– Дед, ну возьми меня с собой. Я тоже хочу в поход...

Калитка опять скрипнула и во двор с коромыслом на плече вошла Ирина.

– Вот, пострел – она опустила ведра с колодезной водой на землю, поправляя съехавший на затылок платок – Кричу – кричу, а у него только пятки сверкают... В поход он собрался...

Илюшка понял, что разговор принимает ненужный оборот и попытался, было, захныкать. Деду пришлось его успокаивать:

– Атаман надьсь¹¹ приказал отправляться в поход только бородатым казакам. А атаманов нужно слушаться. И настоящим казакам не пристало плакать...

– Здорово ночевали, соседи – раздалось за забором.

Мякишевы обернулись. У калитки стоял недавно вернувшийся из бухарского плена Александр Койнов. За минувший месяц он окреп, его в прошлом почти лысая голова теперь обросла седыми волосами, и уже стал заметным будущий чуб.

– А Саша... Здравствуй – здравствуй – за всех ответила Анна – Ты проходи, пообедай у нас...

– Да не, спасибо – Сашка виновато переминался с ноги на ногу – Дядь Вань, дай мне косу, а то своей пока нету. Хочу бурьян выкосить возле дома.

Иван, одобрительно улыбнувшись, распорядился:

– А ну-ка, Илья, покажи дяде Саше, где у нас косы.

Внук, почувствовав свою значимость, деловито махнул рукой и повел Сашку за сарай. Вскоре они вернулись. Койнов, поблагодарив хозяев, прихрамывая, пошел в сторону своего дома. А Ирина, с грустью смотревшая ему вслед, сказала:

– Пока, вроде, трезвый.

– Ну и, слава Богу – отозвалась мать.

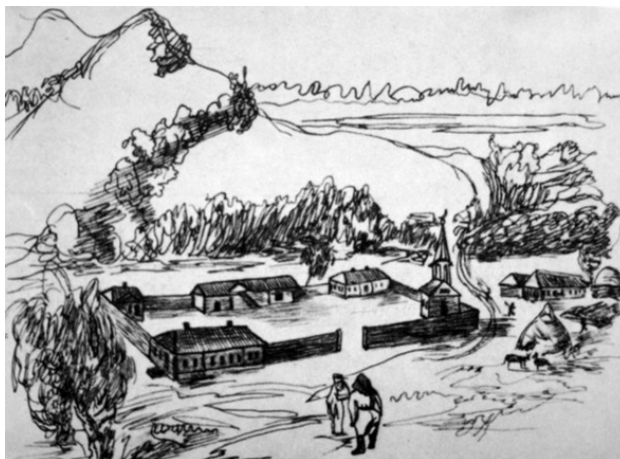
...Ирина с детьми перебралась в Санарку из Троицка два года назад. Схоронив внезапно умершего мужа, она по совету отца вновь вступила в казачье сословие – жить вдове с тремя детьми на руках в уездном городе было непросто. А в Санарке, как говорится, родные стены помогали. Да и участливое слово родителей ей было нелишним. И детям рядом с бабушкой и дедушкой лучше жилось. Вон Илюшка, и тот уже вознамерился в поход с дедом отправляться. Дочки, слава Богу, прижились здесь. Да и мне, частенько думала Ирина, коротать свой вдовий век рядом с отчим домом легче. Рады были возвращению дочери под родительское крыло

¹¹ Недавно, на днях

и Иван с Анной. Хоть и горьким был повод этого возвращения, все же нынешняя их жизнь наполнилась новым смыслом и новыми стремлениями. В доме Мякишевых вновь поселились детский смех, суета и хлопоты.

...Утром пятеро наиболее опытных санарских казаков в почти полном снаряжении по приказу начальства отправились в поход, который еще до своего начала вызывал немало пересудов и кривотолков. И не только в Санарке. Такие же группы бывалых казаков выдвигались и из других близ лежащих казачьих поселений. Всем им надлежало прибыть в Колотовку.

Деревня эта расположилась в верстах шестидесяти от уездного города Троицка на окраине большого соснового бора. Проживали в ней бывшие государственные крестьяне, которым в 1840 году было предложено вступить в казачье сословие. Несогласных попросту выселяли с казачьих земель. Чтобы не лишиться нажитого большинство колотовцев решило стать казаками. Как и полагалось, они присягнули на верность царю-батюшке и стали жить по-прежнему, по-крестьянски. Не раз и не два войсковое начальство пыталось приноровить новоиспеченных казаков к казачьим порядкам и традициям. Но толку от всего этого было мало: колотовцы, как говорится, исполняли все из-под палки, не особо стремясь приобщаться к новым порядкам. Многим тогда виделось, что все эти новшества временны – все когда-нибудь вернется на круги своя. В общем, намаялись атаманы с колотовскими казаками.

А месяца три назад поползли по округе слухи, что в Колотовке происходит какая-то чертовщина: почти каждую ночь начинает, вроде как, загораться один заброшенный домишко, горит-горит, но не сгорает. И заподозрили жители деревни в этом нечистую силу. Они неистово молились, боясь выйти на улицу без лишней надобности. А если уж такое случалось, то ходили не иначе как перебежками, стараясь обойти злосчастный дом стороной. Как и положено, молва эта вскоре обросла небылицами. И чем дальше они уходили от Колотовки, тем зловещей становились подробности происходившего.

Докатались эти слухи и до Троицка. Поначалу их воспринимали как анекдот, но когда стало известно, что колотовцы от страху уже не стали выходить на поля и исполнять, как полагалась, возложенные на них повинности, начальство приняло решение разобраться в этой нелепой истории на месте. По приказу командира второго военного округа полковника Петра Михайловича Харнского была создана специальная комиссия, в которую помимо военных чинов вошли еще и преподаватели уездного училища. Из близлежащих казачьих поселений в Колотовку для обеспечения порядка и охраны комиссии выдвигались опытные казаки. Эти предосторожности были нелишними, ведь никто не знал, с чем, или с кем, предстояло столкнуться в этой деревушке.

На санарцев, привыкших жить добротной, Колотовка произвела тягостное впечатление. Порядка двадцати кособоких домишек, выстроенных абы как на сосновых пнях, были покрыты почерневшей от дождей и снега соломой. Подворья, огороженные прогнившими жердями, висевшими на таких же гнилых столбах, заросли лопухами и коноплей. Всюду были застарелое запустение и неустроенность.

Прибывшим казакам перво-наперво была дана команда прочесать деревню и ее окрестности вдоль и поперек. Начальство боялось, что за всеми странностями, творящимися в Колотовке, могли стоять беглые каторжники, коих ссылали за поддержку петрашевцев¹² в немалом количестве. Но поиски никакого результата не дали – в округе вообще не было никого постороннего. Этому в немалой степени способствовала дурная молва о событиях в деревне.

А комиссия меж тем обследовала саму избушку, которая наделала столько шуму. Внешне она была непримечательной: сгнивший сруб с покосившимися стенами и крышей. В этом доме, по словам местных жителей, уже лет десять никто не жил. Следов пребывания людей в заброшенной избушке найдено не было. По предложению училищных преподавателей решено было исследовать прогнившие доски и бревна – таинственное свечение в доме могла вызвать особая плесень. Отобранные пробы были срочно отправлены с нарочным в Троицк. К вечеру гонец вернулся – следов светящейся плесени не нашли.

В течение всего дня казаки доставляли к начальству местных жителей для допроса. Колотовцы рассказывали всякое. И трудно было понять, где в этих рассказах правда, а где вымыслы. Ивану Мякишеву досталось сопровождать к начальству Феклу Осокину – запитую бабу лет сорока с хитроватым синюшным лицом.

Расположившись на скамье, поставленной прямо под высокой сосной на деревенской улице, Фекла рассказывала:

– В ентонь избе годков десять назад жили татары. Мужик-то путевым был, работающим. Слова никогда плохого не скажет. А вот жинка евоная была черноротой. Кода сама была на сносях, послала она Глашку Никанорову к черту – Фекла неистово перекрестилась – Вот за те слова ее Бог и наказал. Родился у нее младенец с короткими руками и ногами, но большой, как чугунок, головою. Всяк, кто видал того ребенка, потом говаривал, что никакой енто не ребенок, а чертенок...

Иван, слушая рассказ этой бабы, невольно вспомнил, как настороженно и опасливо в Санарке восприняли появление Мишки. Тогда тоже многие крестились, увидев мальчика на улице. Больше всего старалась Коиха. Помнил Иван и слезы жены... Но вырос Михаил, став на удивление односельчан офицером. Теперь воюет где-то за Русь-матушку...

А Фекла меж тем продолжала:

– Когда тута проезжал фелшер из Верхнеуральска, то вот он поведал, што у ребетенка ентонь какая-то аглицкая болезнь приключилась... Тока никакая то была не болезнь, а божье проклятье. Знающие люди говорили той бабе, чтобы она замаливала свой грех. Надо было того страшного чертенка бить по животу со словами «забери чертенка и отдай ребенка»...

– Ну, так что стало с тем ребенком? – прервал рассказ Осокиной капитан Емельянов, ведший допрос.

– Да помер он – простодушно ответила Фекла – Вроде как, сам. Но то одному Богу известно. Тока они ентонь младенца схоронили не на кладбище, а в подполе своей избы. Вот теперь она и засветилась...

Сказав это, баба начала креститься сама и крестить всех и вся в округе.

Емельянов распорядился перекопать весь подпол в злосчастном доме. Но и на этот раз ничего обнаружить не удалось...

¹² Странники учения социалистов-утопистов.

Когда над Колотовкой начала опускаться ночная мгла, казаки заняли свои позиции вокруг таинственного дома. Небо еще к вечеру заволокло тучами, поэтому темень наступала быстро. В окнах жителей деревни один за другим гасли отсветы свеч и лучин – колотовцы укладывались спать.

И вот деревня погрузилась в непроглядную тьму. Кругом было черно и тихо. Только сверчки упоенно выводили свои трели, невольно унося казацкие думы к родному порогу. «Как там они? – думал Иван – Как там Илюшка? Обвыкаться стал малец. Это хорошо. Быть ему казаком...»

...Неожиданно за спиной Ивана вспыхнул огонек. Мякишев обернулся. В окне дома, стоящего чуть поодаль, загорелась лучина. Поначалу она светила ровно, потом огонек стал как-то неестественно скакать из стороны в сторону. На противоположной стороне полусгнившей избы, так пугавшей все последние месяцы колотовцев, послышалась какая-то суэта. А потом раздались удивленные возгласы: «Видали? Пламя плясало между бревнами. Но в доме ничего нет...»

Вскоре голоса стихли. Из-за угла избы с зажженным факелом в руке вышел капитан Емельянов.

– Эй, казаки – обратился он к тем, кто был в засаде по эту сторону от избы – Кто что видел?

А казакам и сказать-то было нечего. Они не видели огней в этом проклятом доме.

– Ваше благородие – обратился к офицеру Иван, поднявшись с земли – Вон в той избе перед тем, как вы что-то там заметили, лучина загоралась...

Немного помолчав, Емельянов произнес:

– Лучина говоришь? Ну, идемте смотреть.

...Дверь им открыл испуганный плюгавенький мужичок в исподнем белье. В горнице они застали простоволосую Феклу Осокину, слезавшую с полатей. Увидев вошедших, баба запричитала:

– Помилуйте, ради Христа. Не виноватые мы ни в чем. Ей Богу, я всю правду рассказала...

– Это вы тут недавно лучину зажигали? – спросил Емельянов хозяев дома.

Фекла с мужем непонимающе уставились на пришедших, не зная, что ответить.

Потом Осокина, немного придя в себя, ответила:

– Надьсь сам-то – она кивнула в сторону мужа – захотел попить... Вот он и зажигал огонь.

Емельянов внимательно осмотрел убогую комнату. У окна, выходявшего прямоком на странную избу, на нетесаном столе стояла большая бутылка самогона, а возле нее – погашенная лучина.

– А ну-ка зажгите – распорядился капитан – А ты, Мякишев, ступай погляди, что там будет в той избе происходить...

Через четверть часа тайна загадочного дома была раскрыта.

– Рефракция – констатировал учитель Подъясов – Сей феномен случается при преломлении луча света в различных по плотности веществах. Оптический эффект...

Большинство присутствующих при этом слов ученого человека не поняли. Но он, видимо, сказал, что-то очень умное и важное. Ведь главный офицер, стоявший сейчас в горнице Осокиных, удивленно воскликнул:

– Ну и дела! Из-за простейшей ерунды столько шуму на всю округу!

Утром Емельянов распорядился согнать всех полтора десятка жителей деревни к заброшенному дому. Когда перепуганные колотовцы собрались, капитан громогласно объявил:

– Заявляю вам со всей определенностью, никаких происков нечистой силы у вас в деревне не было, и нет. По своей темноте вы приняли естественное физическое явление за дьявольские проделки. Я распорядился, чтобы Митрофан Осокин больше никогда не ставил бутылку

на стол возле окна. И больше никакого зарева в этой избе вы видеть не будете – он повернул голову в сторону Феклы и ее мужа – А вы бросайте пить. Неровен час погубите и себя, и других...

...Всю дорогу домой Иван размышлял о том, сколько глупости случается в жизни из-за людского невежества. «Рефракция... Слово-то какое мудреное – думал он – А подишь ты чего эта самая рефракция наделала... Мишка наш точно бы эту тайну разгадал сразу. Он теперь шибко ученый стал. Много знает из того, чего нам неизвестно. Невежество, оно застит голову людям, а грамота делает ум светлее».

Южные ворота Шихлар были распахнуты во всю свою ширь, что позволяло многочисленным путникам довольно свободно пройти или проехать в город. Здесь в отличие от остальных восьми хивинских ворот могли спокойно развезаться две груженные арбы, не рискуя быть опрокинутыми из-за давки. Поэтому Шихлар были популярны среди торговцев, коих в Хиву приезжало немало.

Влившись в поток людей, повозок и орущих на все голоса верблюдов и баранов, они прошли мимо сурового вида бородатых стражников. Он крепко держал Бахмал за руку, опасаясь, что несущая их лавина попросту смоем девочку в один из многочисленных проулков, и тогда ее будет трудно отыскать. Да и она, попав в такую непривычную сутолоку, жалась к нему всем своим тельцем и с опаской поглядывала по сторонам.

– Не бойся – говорил он ей – Я с тобой. Скоро эта толпа спадет...

И действительно поток стал постепенно рассеиваться по улочкам и закоулкам. Теперь можно было немного оглядеться. Кругом, куда не глянь, стояли серые одноэтажные домишки, огороженные кривыми, местами осыпающимися глиняными заборами, скрывавшими от любопытных глаз все то, что не положено видеть посторонним. Над всем этим серым однообразием высились купола шести мечетей, которые тоже были серы и невзрачны. Вдали виднелась высокая зубчатая стена, отгораживающая от города, как это принято в столицах Востока, дворец властелина. Самого дворца отсюда видно не было. И его внешний облик никак не мог освежить весьма унылое зрелище.

– Ну, пойдем поищем, где можно поесть – с улыбкой сказал он девочке – А потом сходим на базар, купим тебе другую одежду...

Бахмал в ответ улыбнулась, но ничего не ответила. Бакалбазари¹³ они нашли быстро. Пьянящий аромат сладостей, свежего хлеба и пряностей стелился по прилегавшим переулкам, призывая каждого проходившего остановиться и свернуть в сторону уютных магазинчиков.

В маленькой чайхане, куда они зашли перекусить, старый прислужник, сидевший у стеллажа со свежеиспеченными лепешками, хлопнул в ладоши, и тут же из-за разноцветной занавески выбежали два мальчика. Они ловко накрыли небольшой достархан, принесли несколько подушек и, низко поклонившись, скрылись за занавесом.

– Издалека путь держишь, чужеземец? – осведомился старик, когда пришедшие начали трапезничать.

– Из Бухары, уважаемый – ответил он, цедя зеленый чай из пиалы – Мое инородство на лице написано, или акцент выдает?

– Дело не в акценте – прислужник улыбнулся в свою седую бороду – В Хиве тьма наречий. Дело именно в лице. У нас бритые лица считаются чуть ли не преступлением. Во всяком случае, отсутствие бороды у взрослого мужчины может вызвать подозрение у пайшабов¹⁴...

¹³ Бакалейный рынок

¹⁴ Ночные стражники

Путник этим словам улыбнулся и посмотрел на Бахмал. Она, не слушая разговоров взрослых, с аппетитом уплетала кусок пахлавы, запивая сладость ароматным шербетом. Такого лакомства она никогда раньше не пробовала.

– Скажи, почтенный, где можно купить одежду для девочки? – странник перевел взгляд на старика – Нам предстоит дальняя дорога.

Прислужник хитровато улыбнулся, по-своему оценив отношение этого взрослого чужеземца и малолетней девочки, и елейно произнес:

– В трех кварталах отсюда найдешь тим¹⁵. Мимо не пройдешь, он сразу заметен. Там полно всяких лавок с одеждой на любой вкус и для любых целей... – при этих словах он похабно ухмыльнулся – Там же и караван-сарай есть, где вы можете остановиться для отдыха...

Чайхану они покинули минут через двадцать. Бахмал уже не держала его за руку, а уверенно вышагивала рядом, с любопытством разглядывая все в округе. Ее длинные тоненькие косички уже давно нуждались в переплетении. Нити жамалак¹⁶, когда-то вплетенные, наверное, матерью, выгорели, а их кончики обмахрились. Но, несмотря на все это, косички при каждом шаге девочки весело подпрыгивали и отливали в лучах солнца цветом вороненой стали.

«А ведь ее где-то еще и искупать надо – подумал он, оглядывая Бахмал – И голову привести в порядок... А как и где это сделать». Ему, привыкшему жить одному и заботиться только о себе, эти житейские вопросы были сейчас неожиданно непонятны. Он попросту не знал, как следует поступить...

Как и говорил старик в чайхане, вскоре перед ними появилось большое сооружение со сводчатой крышей. В него через множество дверей входили и выходили сотни людей. Бахмал, заметив это, тут же схватила его за руку – теряться она не хотела.

Внутри тима было шумно и многолюдно. Торговцы зазывали покупателей к своим товарам, нахваливая их на все лады. Чего тут только не было! Ковры и одежда, украшения и посуда, резная мебель и свечи... В самом центре тима шла бойкая торговля рабами, привезенными в Хиву туркменами и киргизами. Чуть поодаль располагался целый ряд цирюлен, к которым выстроилась очередь – мужчинам тут было принято головы брить наголо.

Потратив на выбор и покупку одежды часа два, они двинулись вдоль торговых рядов дальше. Прямая галерея вскоре вывела их к караван-сарая. Здесь было заметно тише. Торговый люд в это время был занят делами, а сюда он подтянется ближе к вечеру.

Во дворе караван-сарая он достал из кармана кусочек высушенной охры и, сделав так, чтобы никто, включая Бахмал, не заметил этого, прочертил на восточной стене небольшую полосу.

Потом они пошли устраиваться на постой. Им выделили довольно просторную комнату с окном, выходившим во внутренний двор. Здесь им предстояло провести несколько дней.

...Вечером, когда караван-сарай наполнился людским многоголосьем, он повел Бахмал на площадку перед караван-сараяем, где готовилось представление театра теней карагоз¹⁷. Проходя через внутренний двор, он обронил взгляд в то место на стене, где пятью часами раньше оставил свою метку. Проведенная им полоса была перечеркнута черной чертой.

Представление вскоре началось. За подсвеченным полупрозрачным экраном актеры ловко перемещали плоские куклы, главной из которых была фигура неугомонного весельчака и недотепы Карагоза. Его похождения вызывали неизменный хохот зрителей. Смеялись бородатые старики и дети, степенные чиновники и простолюдины. Незамысловатая народная сатира

¹⁵ Крытый рынок

¹⁶ Черная шелковая нить, вплетаемая в косы девочек в Средней Азии для придания объема

¹⁷ Одно из направлений традиционного турецкого кукольного театра, популярное в странах Азии; главный герой представлений – Карагоз.

была понятна всем. Бахмал, неотрывно смотревшая на подсвеченное покрывало, поначалу просто улыбалась, а потом и она начала заливисто смеяться. Впервые за последние годы.

Кукольное действо разворачивалось под чарующие звуки дутара. Перед экраном, поджав под себя ноги, сидел бахши¹⁸ в белой чалме и синем шелковом халате, расшитом золотыми звездами. Он искусно трогал струны дутара, и время от времени в стихотворной форме комментировал происходящее на экране.

...Представление окончилось. Он отвел девочку в снятую комнату. Уложив ее спать, странник тихо прикрыл за собой дверь, стараясь не скрипеть ключом в замке. Потом он бесшумно спустился во двор и, прячась в тени, вышел из караван-сарая. Пройдя четыре квартала по узкой улочке, он свернул направо и проскользнул в еле заметную калитку в стене. Путник вошел в открытую дверь и вскоре очутился в комнате, заваленной театральным реквизитом. У стола сидел тот самый бахши, который играл на дутаре во время представления. Теперь он был одет в полосатый халат и в простую тюбетейку.

– Ассалому алейкум – тихим голосом сказал вошедший.

Бахши, улыбнувшись, ответил:

– Ваалейкум ассалом! Садись, уважаемый. С чем пожаловал?

– Нельзя ли купить у тебя три куклы для моего сына? – присаживаясь к столу, произнес ночной визитер.

– Продать – не продам, но могу дать адрес кукольного мастера— хозяин вытащил из кармана половину распиленной зигзагом серебряной монеты и положил ее перед гостем.

Путник приставил к ней точно такой же обреза. Края половинок совпали идеально.

Они встали и крепко пожали друг другу руки. Все обязательные для тайных агентов процедуры были соблюдены. Теперь можно было перевести дух.

...У каждого из них был свой путь. И своя легенда, по которой они жили тут. И многие годы они не знали о существовании друг друга. Таковы правила разведки. Но три недели назад в Бухару из Ак-Мечети поступила шифровка, в которой ему предписывалось выехать в Хиву для встречи с агентом по имени Мираб, владельцем передвижного кукольного театра. Кто скрывался под этим именем, он знать не мог. И не знал.

И вот они встретились. Когда первые эмоции спали, Мираб спросил:

– Как я могу тебя называть, дорогой?

– Я Дильшад, купец из Бухары – представился гость – Приехал в Хиву по торговым делам.

– Ясно. И что привело тебя сюда? – осведомился бахши. Он понимал, если потребовалась такая встреча, значит, грядет что-то очень важное и срочное.

– В скором времени сюда придет дипломатическая миссия из России. Учитывая все то, что сейчас творится в Хиве, этот визит будет непростым и опасным. Твоя задача по возможности обезопасить русский караван и снабдить наших дипломатов свежей информацией. В прямые контакты с ними вступать тебе ни в коем случае нельзя. Поэтому придумывай, как и что можно сделать... – Дильшад вытащил из-за голенища своего сапога небольшую костяную трубку – А это нужно передать русским...

Когда они прощались, Дильшад, немного замешкавшись, спросил:

– Слушай, Мираб, ты не знаешь, где можно искупать десятилетнюю девочку?

Бахши, в немалой степени удивленный таким вопросом, осведомился:

– Дочь?

– Нет. Сирота она. Я нашел ее в пустыне, когда добирался сюда...

В комнате повисла тишина. Мираб после недолгих раздумий ответил:

¹⁸ Народный сказитель

– Не знаю, зачем тебе все это нужно, но забот ты себе добавил... Непросто все это. Всякое ведь может случиться... Ну ладно, решай сам. А завтра приводи девочку в махалля¹⁹ Ор, спросишь Фатиму-ханум. Там ее все знают. Она все устроит.

...Он бесшумно открыл дверь и зашел в комнату. Но тахте сидела Бахмал и тихо плакала. Он подошел к ней, не зная, что делать.

– Ты зачем плачешь? – он положил руку на ее вздрагивающие плечики.

Она, глотая слезы, прошептала:

– Я думала, что ты меня бросил, или тебя убили.

Дильшад в это мгновение вдруг осознал, впервые за долгие годы, проведенные вдали от дома, о нем кто-то искренне переживает. И его кто-то ждет...

В ханском шатре, поставленном в родовом имении хивинских правителей в Гюмгюмданском саду, было тихо. Наступило время послеобеденного кейфа, и никто не смел нарушить сон повелителя. Кругом царило блаженство, убаюкиваемое шелестом листвы множества цветущих деревьев и щебетанием птиц.

Когда Саид Махаммад-хан уже был готов погрузиться в сладостный сон, до его ушей донесся топот бегущих куда-то людей. Потом послышалось лязганье чего-то металлического, и раздался вопль:

– А... умри, дьявол!..

Хан соскочил со своего ложа и выхватил всегда лежавший у него под подушкой кинжал. Он прекрасно помнил, как предательски два года назад был убит Кутлуг Мурад-хан, успевший посидеть на троне лишь три месяца. Тогда убийца, подсланный туркменами, хладнокровно зарезал не только правителя Хивы, но и семь чиновников, находившихся в тот момент в покоях хана. Злоумышленник был схвачен и после жестокой пытки обезглавлен, но всю страну после этого охватила кровавая резня, и Хива, процветавшая и жиревшая при Мухаммед Эмин-хане²⁰, погрузилась в хаос. Нищета и голод были повсюду...

Полог медленно приподнялся, и на пороге ханского шатра, стоя на коленях, появился мехрем²¹. Он непрестанно кланялся, пытаясь поцеловать ханский ботинок, но Саид Махаммад-хан сделал шаг назад.

– О, мой повелитель! – голос мехрема дрожал – Да хранит Всевышний твое здоровье и милосердие! Не по воле преданных рабов был нарушен твой драгоценный сон... Рахим-тюре...

– Что? – раздраженно спросил Саид Махаммад-хан.

Вспотевший мехрем, не смея взглянуть в лицо правителю, продолжил:

– Твой брат, о, всемогущий и справедливейший владыка, встревожился видениями и убил сарбаза,²² стоявшего на посту у его покоев...

Хан перевел дух. Ему лично ничего не угрожало. Он сел на тахту, выставив вперед правую ногу, что по дворцовому этикету позволяло чиновнику поцеловать туфлю монарха. Мехрем с подобострастием припал губами к ноге хана и замер в ожидании слов своего господина.

– Успокойте моего брата... Бережно – повелел хан – Иди.

Слуга, пятясь назад на коленях, по-прежнему не поднимая головы, привычно выполз из ханских покоев.

Опять кругом воцарилась тишина. Хан прилег на свою тахту. Но сон его покинул, кажется, окончательно...

¹⁹ Городской район

²⁰ Хивинский хан в 1843—1855гг.

²¹ Камердинер

²² Солдата

Рахим... Любимый брат... Когда-то, еще мальчишками, они беззаботно бегали в этом саду. Их игры и шалости порою приводили в трепет многочисленную прислугу, не смеющую наказать проказников. Иногда к воспитанию принцев подключался отец. Уж он-то мог дать волю своим сильным рукам. И тогда были слезы, которых надо было стыдиться...

В какое время Рахим пристрастился к опию, никто во дворце не знал. Но когда пагубное пристрастие стало очевидным для всех, отец распорядился казнить тех, кто, по его мнению, был причастен к этому.

Поначалу брат как-то мог сдерживать свою тягу к дурману, но в последние два года, когда он так был нужен молодому хану, Рахим все чаще и чаще погружался в опийные грезы. Нередко это вызывало кровавые скандалы, подобные тому, что произошел сейчас. Но кто же будет жаловаться на брата самого владыки? Да, пока у Рухима официальный статус инака²³, его никто не тронет. А что потом?

Хан повернулся на своей мягкой тахте, которая сейчас ему показалась крайне неудобной, и опять погрузился в раздумья.

Как же нужны ему сейчас советы брата, его воля и поддержка! Из Оренбурга через купцов пришло сообщение, что москвиты готовят караван с официальным послом русского царя. И с чем он прибудет? Саид Махаммад-хан прекрасно помнил, как вся Хива, от ханского дворца до лачуги самого бедного дервиша, была встревожена известием о продвижении многотысячного отряда урусов к границам ханства. Тогда только чудо спасло Хиву²⁴. Конечно, потом глашатаи на базарах объявляли простолюдинам, что полчища гяуров²⁵ разгромили отважные хивинские воины, вдохновляемые провидением Аллаха. Но Саид Махаммад-хан знал правду. Не случись тогда непогоды, ханства сейчас могло не быть.

Именно страх заставил хивинских правителей пересмотреть свое отношение к России. С ней надо жить в добрососедстве. В поисках мира в прошлом году Саид Махаммад-хан отправлял в Петербург специальное посольство, чтобы выразить свое сожаление в связи со смертью царя Николая и поздравить с коронацией нового российского самодержца Александра. Та миссия была обычным дипломатическим реверансом. И вот теперь урусы сами едут в Хиву...

Сейчас хана волновали не только русские послы. Они пока далеко. А вот что делать с йомудами²⁶ и джамшидами²⁷? Эти своего не упустят. Ослабела Хива, и эти стервятники тут как тут. Каждый хочет оторвать от ханства кусок пожирнее. «Ну, засыпал я канал, чтобы непокорные йомуды, оставшись без воды, присмирели – думал сейчас Саид Махаммад-хан – И что изменилось? Они стали еще кровожаднее. Угоняют скот и людей, грабят караваны, разоряют деревни и города. Шакалы...»

Еще большую тревогу хивинского правителя вызывали кокандцы и бухарцы. Родные по крови жалят больнее чужаков. Нет мира в узбекском доме. Брат убивает брата. И так на протяжении столетий... Неизвестно, как они поведут себя, когда гяуры придут сюда? «А если они – вдруг с ужасом подумал хан – стоворятся с русскими?!»

...В тот день Саид-Махаммад-хан так и не уснул.

В уютном бельведере дворца Оренбургского и Самарского генерал-губернатора за столом, уставленном богатой снедью и графинами с напитками, сидели трое: сам губернатор Алек-

²³ Ближайший помощник хана, дословно – младший брат.

²⁴ Хивинский поход 1839—1840гг. Отряд под командованием Оренбургского военного губернатора В.А.Перовского стал небоеспособным в результате сильнейших морозов и снежной бури

²⁵ Неверных

²⁶ Один из главных туркменских родов, с которым Хива вела многолетнюю борьбу

²⁷ Народность, проживающая на севере Афганистана.

сандр Андреевич Катенин, начальник Оренбургской пограничной комиссии Василий Васильевич Григорьев и прибывший на днях в Оренбург из столицы полковник Николай Павлович Игнатъев.

Александр Андреевич, облаченный в парадный генеральский мундир, на правах хозяина потчевал столичного гостя:

– Осетринки нашей уральской отведайте, Николай Павлович. Поверьте, не пожалеете. Уральского осетра ни с каким другим на вкус невозможно спутать. Отменная у нас тут рыбалка...

Говоря это, генерал сделал широкий жест рукой в сторону окон, выходящих на реку. Вид отсюда открывался действительно чудесный: под лучами майского солнца полноводный Урал блистал лазурно-серебристыми искрами, а за рекой, куда только хватало глаз, раскинулась цветущая степь с редкими изумрудными кружевами перелесков. И эта красота плавно перетекала в уютный бельведер, украшенный золоченой лепниной, выгодно выделявшей развешенные по стенам картины, восточные ковры и азиатские кинжалы различных размеров и форм.

– Здешние места богаты не только рыбой – продолжал Катенин, поглаживая свои роскошные усы – Сей край богатейший не в пример старушке Европе...

Про Европу губернатор сказал неслучайно. Он, впрочем, как и сидевший рядом Григорьев, знал, Игнатъев недавно вернулся из Лондона, где исправлял обязанности военного атташе. И исправлял, наверное, недурно. Не зря же император наградил его орденом Святого Владимира четвертой степени. А ведь ему всего-то двадцать шесть... Не каждому такое дано...

– Да уж, господа, Европа сама по себе бедна – Игнатъев промокнул губы накрахмаленной салфеткой – Но живет она и богатеет за счет колоний своих и монопольной торговли. наших купцов там не ждут. Да, русское они любят, но лишь в виде сырья для своих фабрик и заводов... Ну, не пускают нас на запад, пойдём на восток.

Разговор постепенно перешел к главной теме – русскому посольству в среднеазиатские ханства. Решение о его необходимости император с подачи Горчакова принял еще осенью. Все это время велась тщательная подготовка сложного во всех отношениях мероприятия. Разрабатывался маршрут далекого путешествия, в правительственных кабинетах согласовывались кандидатуры тех, кто должен был войти в состав посольства.

Караван, которому предстояло отправиться через степь в Хиву и Бухару, формировался и комплектовался в Оренбурге. И генерал-губернатор держал этот вопрос под личным контролем. На пограничную комиссию возлагались снабжение посольства оперативной информацией, разработка и проведение специальных мероприятий в степи, которые могли обезопасить посольство и сделать его успешным.

Кандидатуру посла утвердил лично Александр II. Игнатъеву он симпатизировал. И эта симпатия сохранится на долгие годы...²⁸

– Не Россия торгует с Внутренней Азией – подключился к разговору молчавший до этого Григорьев – а Внутренняя Азия торгует с Россией, ибо покупают и продают товары и в Азии, и в России, как правило, азиатские торговцы. И им почти без раздела достаются все купеческие барыши от этой торговли. Виной тому препятствия, противопоставляемые торговле русских купцов общеизвестным неустройством и еще более правительствами среднеазиатских владений, тогда как наше правительство покровительствует торговле азиатцев в России.

Василий Васильевич, как ученый, формулировал проблемы немного академично. Так, как делает профессор перед студентами. Но, не смотря на многословие, он обрисовал ситуацию весьма рельефно. Игнатъеву припомнилась справка, с которой его ознакомили перед поездкой

²⁸ В 1864—1877 гг. Н. П. Игнатъев служил российским послом в Константинополе. Его деятельность на этом посту была весьма плодотворной. Про него и его супругу английский посол в Турции писал: «Эта пара Игнатъевых стоит больше нескольких броненосцев».

в министерстве иностранных дел. Автором справки был сидевший сейчас перед послом Григорьев. В документе том говорилось:

*«...Торговля со Средней Азией может расти и при данном общественно-политическом положении в ханствах, но пока над Внутренней Азией будут тяготеть теперешние там беспорядок и варварская дикость, естественно порождающие бедность и апатию, – значительное развитие торговли с ней положительно невозможно. Чтобы покупать и потреблять, надо иметь чем платить за покупаемое, а для этого надо производить. Внутренняя Азия могла бы производить весьма много, но кто же станет заботиться об усилении производства, о разработке естественных богатств, об улучшении путей и средств сообщения, когда не только богатство, но даже достаток влекут за собой для обладателя их притеснения и насильственную смерть, а бедность представляется единственным условием сохранения жизни гражданина в некоторой безопасности. Внутривполитическое положение в ханствах мешает и транзитной торговле. Выходом для Внутренней Азии мог бы стать переход под владычество какой-либо христианской державы, которая бы, водворив там порядок и безопасность, внушила обитателям Аму и Сыра желание воспользоваться их естественными средствами к улучшению собственного благосостояния. Тогда может прийти речь и о торговле России со странами к юго-востоку от Внутренней Азии. До тех пор, пока эта последняя будет оставаться тем же, что она есть сейчас, – всякое рассуждение об этом будет праздной, совершенно бесплодной болтовней».*²⁹

– Абсолютно с Вами согласен, любезный Василий Васильевич – ответил Игнатьев – Азия сейчас единственное поприще, оставленное для нашей торговой деятельности и развития нашей промышленности, слишком слабых, чтобы войти в успешное состязание с Англией, Францией, Бельгией, Америкой и другими государствами. Утверждение нашего влияния там и уменьшение английского соответствуют естественным пользам России.

²⁹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1—7. Оп. 6. 1863—1864 гг. Д. 2. Л. 15—18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.